
Я видел забор, сколоченный из дверей,
и каждая дверь казалась другой старей:

вот эту при Брежневe пьяный пинал ногой,
а та при Хрущёве вышла недорогой.

А к этой прильнувши — ну до чего тонка! —
при Сталине ждали каждую ночь звонка.

За каждой кипели борщи и кипела страсть,
смеялись дети и нечего было красть.

А ныне стоят преградою на пути,
и ни в одну из них уже не войти.

Встреча с ветряной мельницей

На холостом ходу
вращается ветряк.
Я ближе подойду.
Он сам — как холостяк:

он смотрит сквозь меня
налитыми глазами,
хмельной от ячменя,
раздавленного за день.

Он мелет языком,
ругается несносно,
и я с ним не знаком,
но расходиться — поздно.

На ветреную речь
что я ему отвечу?
Я — голова без плеч,
он — сплошные плечи.

Я треском оглушён,
подавлен превосходством
и начисто лишён
былого донкихотства...

Осенний покой — особый,
урвать бы еще денёк!
Ржавеет в воде осока,
шиповника огонёк
горит — и по всем приметам
близятся холода...
Спешу надышаться светом
на зиму, навсегда.

Мир состоит из маленьких вещей,
из пропасти занятных мелочей:

крупиц, песчинок, зёрнышек, пылинок,
и росных капель, и тугих былинки.

Из тех кровинки, что мой нос пролил,
когда с соседом парту я делил.

Из юрких, будто ящерики, минут,
которые сквозь пальцы прошмыгнут.

Собирали с бабушкой цветы,
проводжали солнце золотое —
эта память дорогого стоит:
посреди житейской темноты
осторожным лучиком ведёт,
не даёт душе осатаниться;
как же страшно, если пропадёт
бытия начальная страница!..

— Часики, — гвоздику назвала,
и кипрей Иваном окрестила.
На руки, сердечная, взяла.
Ласточкой на волю отпустила.

Холодную вишню снимаю,
сминаю сухое былё,
и ветка маячит немая:
кончается лето твоё.

Такое в саду запустенье,
что впору сказать: забытьё,
и клонятся долу растенья:
отмерено время твоё.

Победою мнил поражение,
а правдой — слепое враньё,
но в блюдце сияет варенье.
Не вечно и горе твоё.

Ходики, а рядом — календарь:
мишка забирается на ёлку.
Дедушка читает «Комсомолку».
Я пытаюсь одолеть букварь:
— Ива, искра, иволга, иголка...
Спрячу за диван — и вся недóлга!
«Будущее — данность, а не дар», —
думал я. Исеть впадает в Волгу.

Не заметил — опустилась гиря,
и медведя сняли со стены...

И чужие люди в той квартире,
и на картах нет родной страны.

Стихи к сыну

1.

Получил от Господа открытку:
сын растёт хорошим человеком,
миру улыбается открыто.

В нас поют одни и те же реки,
шелестят одни и те же травы —
музыка не кончится вовеки.

2.

Сынишку целуешь в темя,
в тугой комариный укус, —
и чувствуешь терпкий вкус:
вот так и целуют время.

Август

Настойку на меду
на липовом поставил,
снял яблоки в саду
и Спас на славу справил.

Сжал в поле полосу,
ручей подёрнул рябью,
аукался в лесу
тонюсенько, по-бабьи.

О красоте земной,
о времени текучем
заговорил со мной
на языке дремучем.

Вечерял на кухне в одного:
ни жены, ни друга — никого.
Лишь картошка со сковороды
за мои дневные за труды.
Лишь часов полуночный набат,
лампа-уголёк в пятнадцать ватт,
да звезда, дрожащая в окне...
Неужели помнят обо мне?

Вспоминаю до сих пор:
вышел маленький во двор —
и в глазах от солнца змейки,
а старухи на скамейке
деревенскую поют,
мне конфеты подают.

И у самой старой прялка
потемневшая в руках.
Мне старуху эту жалко —
нить выходит в узелках.

Кабы знать, что это значит,
кабы ведать наперёд,
почему окошко плачет
и картошка не цветёт!

...Врут проклятые приметы
и поэты тоже врут,
что России больше нету,
что старухи перемрут,
детство сладкое растает,
утечёт в мирской бардак...

Вьётся-вьётся нить простая
и не кончится никак.